

УДК 373.167.1:821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)я72
Р89

Авторы: д-р филол. наук *В. В. Агеносов* («Слово к молодому читателю», «Литературный процесс 30—50-х годов», «М. Булгаков», «М. Шолохов», «И. Шмелёв», «Г. Иванов», «И. Елагин и Н. Моршен», «А. Солженицын», «Ю. Трифонов», «В. Распутин», «Современная литературная ситуация»); Э. Л. Безносков («И. Бродский»); д-р филол. наук *Н. С. Выгон* («Исторический роман 20—30-х годов»); д-р филол. наук *М. М. Голубков* («М. Горький», «Литературный процесс 20-х годов»); проф. *М. И. Громова* («Современная драматургия»); канд. филол. наук *Д. П. Дмитриев* («Художественные поиски и традиции в современной поэзии»); д-р филол. наук *А. Н. Захаров* («С. Есенин»); д-р филол. наук *А. С. Карпов* («В. Маяковский»); д-р филол. наук *Л. Г. Кихней* («А. Ахматова», «М. Цветаева», «О. Мандельштам»); чл.-корр. РАН *Н. В. Корниенко* («А. Платонов»); д-р филол. наук *А. В. Кулагин* («Авторская песня»); канд. филол. наук *Т. Г. Кучина* («А. Платонов», «Терминологический словарь»); канд. филол. наук *Е. Ю. Лазарева* («Современная драматургия»); д-р филол. наук *А. В. Леденев* («Литература рубежа XIX—XX веков», «И. Бунин», «В. Набоков», «Современная литературная ситуация»); д-р филол. наук *В. А. Мескин* («А. Куприн», «Л. Андреев»); д-р филол. наук *В. И. Новиков* («Ю. Тынянов»); *М. А. Нянковский* («Е. Замятин»); канд. филол. наук *М. Г. Павловец* («А. Блок», «Б. Пастернак», «Проза 50—70-х годов о Великой Отечественной войне», «Н. Заболоцкий», «В. Шаламов»); д-р филол. наук *Т. К. Савченко* («Литература рубежа XIX—XX веков», «С. Есенин»); д-р филол. наук *Я. В. Солдаткина* («Литературный процесс 60—80-х годов»); д-р филол. наук *С. Л. Страшнов* («А. Твардовский»); д-р филол. наук *Л. А. Трубина* («Литературный процесс 60—80-х годов»); д-р филол. наук *З. Я. Холодова* («М. Пришвин»).

Методическая концепция и разработка *Н. Б. Тралковой*

Русский язык и литература : Литература. 11 кл.
Р89 Углублённый уровень : учебник. В 2 ч. Ч. 2 / В. В. Агеносов и др. ; под ред. В. В. Агеносова. — 6-е изд., испр. — М. : Дрофа, 2019. — 493, [3] с. : ил. — (Российский учебник).

ISBN 978-5-358-21591-7 (ч. 2)

ISBN 978-5-358-21588-7

Учебник входит в УМК для 10—11 классов, обеспечивающий преподавание по программе литературного образования В. В. Агеносова, А. Н. Архангельского, Н. Б. Тралковой, и соответствует ФГОС. Предназначен для школ и классов с углублённым изучением литературы.

Учащимся предлагается система разноуровневых заданий, направленных на формирование метапредметных умений (планировать деятельность, выделять различные признаки, классифицировать, устанавливать причинно-следственные связи, преобразовывать информацию и др.) и личностных качеств учеников.

УДК 373.167.1:821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)я72

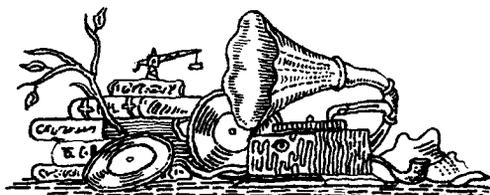
ISBN 978-5-358-21591-7 (ч. 2)

ISBN 978-5-358-21588-7

© ООО «ДРОФА», 2014

© ООО «ДРОФА», 2019, с изменениями

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС 1930—1950-Х ГОДОВ

Историко-культурная ситуация 1930—1950-х годов. Конец 1920-х — начало 1950-х годов — один из самых драматических периодов в истории русской литературы.

С одной стороны, народ, воодушевлённый идеей построения нового мира, совершает трудовые подвиги. Вся страна встаёт на защиту отечества от немецко-фашистских захватчиков. Победа в Великой Отечественной войне внушает оптимизм и надежду на лучшую жизнь. Эти процессы находят отражение в литературе.

На творчество многих советских писателей оказывает влияние мысль М. Горького, наиболее полно воплотившаяся в «Жизни Клима Самгина» и пьесе «Егор Булычёв и другие», о том, что только участие в революционном преобразовании общества делает человека личностью. Десятки талантливых писателей субъективно честно отражали нелёгкий и часто исполненный подлинной героики труд советских людей, рождение новой коллективистской психологии.

С другой стороны, именно в конце 1920-х — начале 1950-х годов отечественная литература испытывала мощное идеологическое давление, несла ощутимые и невозполнимые потери.

В 1926 году был конфискован номер журнала «Новый мир» с «Повестью непогашенной луны» Бориса Пильняка. Участь писателя была предрешена: его расстреляют в 1930-е годы. В конце 1920-х — начале

1930-х годов ещё публикуются, но уже подвергаются критике «Зависть» Ю. Олеси и «В тупике» В. Вересаева. В обоих произведениях рассказывалось о душевных метаниях интеллигентов, которые не поощрялись в обществе торжествующего единомыслия. По мнению ортодоксальной партийной критики, советскому человеку чужды сомнения и духовные драмы.

В 1929 году разразился скандал в связи с публикацией в Чехословакии романа Е. Замятина «Мы». Жесточайшая критика обрушилась в адрес путевых размышлений о колхозной жизни Б. Пильняка и А. Платонова («Че-Че-О»). За рассказ А. Платонова «Усомнившийся Макар» А. Фадееву, редактору журнала, в котором он был опубликован, по его собственному признанию, «попало от Сталина».

С этого времени читательской аудитории лишились не только А. Платонов, но и Н. Клюев, М. Булгаков, Е. Замятин, Б. Пильняк, Д. Хармс, Н. Олейников и целый ряд других писателей самых различных направлений. Сложные испытания выпадают на долю сатириков М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова.

В 30-е годы начался процесс физического уничтожения писателей: были расстреляны или погибли в лагерях поэты Н. Клюев, О. Мандельштам, П. Васильев, Б. Корнилов, прозаики С. Клычков, И. Бабель, И. Катаев, публицист М. Кольцов, критик А. Воронский, были арестованы Н. Заболоцкий, Л. Мартынов, Я. Смеляков, Б. Ручьев и десятки других писателей.

Не менее страшным было и нравственное уничтожение, когда в печати появлялись разносные статьи-доносы и подвергаемый «экзекуции» писатель, уже готовый к ночному аресту, вместо этого обрекался на многолетнее молчание, на писание «в стол». Именно эта судьба постигла М. Булгакова, А. Платонова, М. Цветаеву, А. Кручёных, частично А. Ахматову, М. Зощенко и многих других мастеров слова.

Лишь изредка удавалось пробиться к читателю писателям, не стоящим, как тогда говорили, «на столбовой дороге социалистического реализма»: М. Пришвину, К. Паустовскому, Б. Пастернаку, В. Инбер, Ю. Олеше, Е. Шварцу.

?) Каким репрессиям и почему подверглись многие писатели в конце 1920-х — 1930-е годы?

Единая ещё в 20-е годы многоводная река русской литературы в 30—50-е годы распалась на несколько потоков, взаимосвязанных и взаимоотталкивающихся. Если до середины 20-х годов в Россию ещё проникали книги русских писателей-эмигрантов, а советские писатели довольно часто посещали Берлин, Париж и другие центры расселения русской диаспоры, то с конца 20-х годов между Россией и остальным миром устанавливается «железный занавес».

В 1932 году ЦК ВКП(б) принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Советские писатели на первых порах восприняли его как справедливое решение партии освободить их от диктата Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), под видом отстаивания классовых позиций игнорировавшей почти все лучшие произведения, созданные в те годы, и пренебрежительно относившейся к писателям непролетарского происхождения. В постановлении действительно говорилось, что писатели, живущие в СССР, едины; в нём объявлялось о ликвидации РАПП и создании единого Союза советских писателей. На самом деле ЦК ВКП(б) был озабочен не столько судьбой писателей, сколько тем, что от имени партии говорили далеко не всегда близкие к руководству партии люди. Партия сама хотела напрямую руководить литературой, превратить её в «часть общепролетарского дела, «колёсико и винтик» одного-единого великого партийного механизма», как завещал В. И. Ленин.

И хотя на Первом съезде писателей СССР в 1934 году М. Горький, выступавший с основным докладом и бравший несколько раз слово по ходу съезда, настойчиво подчёркивал, что единство не отрицает многообразия, что никому не дано права командовать писателями, его голос, образно говоря, утонул в аплодисментах.

Несмотря на то что на Первом съезде писателей СССР *социалистический реализм* был провозглашён «основным (но не единственным. — *Авт.*) методом советской художественной литературы и литературной

критики», несмотря на то что в Уставе Союза писателей было записано, что «социалистический реализм обеспечивает художественному творчеству исключительную возможность проявления творческой инициативы, выбора разнообразных форм, стилей и жанров», после съезда стала всё отчётливее проступать тенденция универсализации литературы, приведения её к единому эстетическому шаблону.

Невинная на первый взгляд дискуссия о языке, начатая спором М. Горького с Ф. Панфёровым о правомерности использования диалектных слов в художественном произведении, вскоре вылилась в борьбу с любыми оригинальными языковыми явлениями в литературе. Были поставлены под сомнение такие стилевые явления, как *орнаментализм* и *сказ*. Всякие стилевые поиски были объявлены *формализмом*: всё более утверждалось не только единообразие идей в художественной литературе, но и однообразие самого языка.

Под полным запрет попали эксперименты в области языка, связанные с творчеством писателей ОПОЯЗа Д. Хармса, А. Введенского, Н. Олейникова. Лишь детским писателям удалось ещё использовать в своих «несерьёзных» произведениях игру словом, звуками, смысловые парадоксы (С. Маршак, К. Чуковский).

Жанровое разнообразие советской литературы 30—50-х годов. 1930-е годы были отмечены не только ужасом тоталитаризма, но и пафосом созидания. Прав был изгнанный из России в 1922 году выдающийся философ XX века Н. Бердяев, утверждая в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», что большевики сумели использовать вековечную мечту русского народа о едином счастливом обществе для создания своей теории построения социализма. Русский народ с присутствующим ему энтузиазмом воспринял эту идею и, преодолевая трудности, мирясь с лишениями, участвовал в осуществлении планов революционного преобразования общества. И те талантливые писатели, которые честно отражали героический труд советских людей, порыв к преодолению индивидуализма и объединению в единое братство, вовсе не были конформистами, прислуж-

никами партии и государства. Другое дело, что правда жизни порой сочеталась у них с верой в иллюзии утопической концепции марксизма-ленинизма, всё более превращавшегося из научной теории в квазирелигию.

В трагическом 1937 году появилась книга Александра Малышкина (1892—1938) «Люди из захолустья», где на примере строительства завода в условном городе Красногорске показывалось, как изменились судьбы бывшего гробовщика Ивана Журкина, батрачка Тишки, интеллигентки Ольги Зыбиной и многих других русских людей. Размах строительства не только обеспечил каждому из них право на труд, но и позволил полностью раскрыть свой творческий потенциал. И — что ещё важнее — они ощутили себя хозяевами производства, ответственными за судьбу строительства. Писатель мастерски (с использованием как психологических характеристик, так и символических деталей) передал динамику характеров своих героев. Более того, А. Малышкин сумел, хотя и в завуалированной форме, показать порочность коллективизации, осудить жестокость официальной доктрины государства. Сложные образы редактора центральной газеты Калабуха (за ним угадывается фигура понявшего в конце своей жизни трагедию коллективизации Н. И. Бухарина), корреспондента из раскулаченных Николая Соустина, догматика Зыбина позволяли читателю увидеть неоднозначность происходящих в стране процессов. Даже детективный сюжет — дань эпохе — не мог испортить это произведение.

Интерес к изменению психологии человека в революции и послереволюционном преобразовании жизни активизировал жанр *романа воспитания*. К этому жанру относится книга Николая Островского (1904—1936) «Как закалялась сталь». В этом на первый взгляд бесхитростном рассказе о мужании Павки Корчагина просматриваются традиции Л. Толстого и Ф. Достоевского. Страдания и большая любовь к людям делают Павку стальным. Целью его жизни становятся слова, которые многие годы будут составлять нравственный кодекс целых поколений: «Прожить жизнь так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые

годы <...>, чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Как стало известно лишь недавно, редакторы книги Н. Островского сократили в ней места, рассказывающие о трагедии одиночества, постигшей романтика Корчагина. Но даже в том тексте, который был опубликован, различима боль писателя за нравственное вырождение многих вчерашних активистов, добравшихся до власти.

Принципиально новые черты придал роману воспитания и Антон Макаренко (1888—1939) в своей «Педагогической поэме». В ней показано, как осуществляется воспитание личности под воздействием коллектива. Автор создал целую галерею самобытных и ярких характеров, начиная от постоянно находящегося в поиске заведующего колонией бывших малолетних преступников и кончая колонистами. Писатель не может нести ответственность за то, что в последующие годы его книгу превратили в догму советской педагогики, выхолостив из неё тот гуманистический пафос, который придаёт ей нравственную и художественную ценность.

Создателем *философского романа* выступил в 30—50-е годы Леонид Леонов (1899—1995). Его романы, в отличие от многих творений собратьев по перу, достаточно регулярно появлялись в печати, пьесы (особенно «Нашествие») шли во многих театрах страны, время от времени художник получал правительственные награды и почести. Действительно, внешне книги Л. Леонова вполне вписывались в разрешённую тематику социалистического реализма: «Соть» соответствовала канону «производственного романа» о строительстве заводов в медвежьих углах России; «Скутаревский» — литературе о «врастании» дореволюционного учёного-интеллигента в советскую жизнь; «Дорога на океан» — «правилам» жизнеописания героической жизни и смерти коммуниста; «Русский лес» представлял собой полудетективное описание борьбы прогрессивного учёного с псевдоучёным, оказавшимся к тому же агентом царской охранки. Писатель охотно пользовался штампами соцреализма, не брезговал детективным сюжетом, мог вложить в уста героев-коммунистов

суперправильные фразы и почти всегда завершал романы если не благополучным, то почти благополучным финалом.

В большинстве случаев «железобетонные» сюжеты служили писателю прикрытием для глубоких размышлений о судьбах века. Леонов утверждал ценность созидания и продолжения культуры вместо разрушения до основания старого мира. Его любимые персонажи обладали не агрессивным стремлением к вмешательству в природу и жизнь, а духовно благородной идеей сотворчества с миром на основе любви и взаимопонимания.

Вместо однолинейного примитивного мира, характерного для использованных Леоновым жанров социалистической прозы, читатель находил в его книгах сложные, запутанные взаимоотношения, вместо прямолинейных «неоклассицистских» характеров, — как правило, натуры сложные и противоречивые, находящиеся в постоянном духовном поиске и по-русски одержимые той или иной идеей. Всему этому служили сложнейшая композиция романов писателя, переплетение сюжетных линий, использование большой доли условности изображения и крайне не поощряемой в те годы литературности: Леонов заимствовал имена, фабулы из Библии и Корана, индийских книг и произведений русских и зарубежных писателей, тем самым создавая для читателя не только трудности, но и дополнительные возможности толкования его собственных идей. Один из немногих, Л. Леонов охотно пользовался символами, аллегориями, фантастическими (условными, нежизнеподобными) сценами. Наконец, и язык его произведений (от лексики до синтаксиса) был связан со сказовым словом как народным, так и литературным, идущим от Гоголя, Лескова, Ремизова, Пильняка.

Другим выдающимся создателем философской прозы был М. Пришвин, автор повести «Жень-шень», цикла философских миниатюр.

Значительным событием в литературной жизни 30-х годов стало появление эпосов М. Шолохова «Тихий Дон» и А. Толстого «Хождение по мукам».

Большое место в литературе 1930—1950-х годов занимает *историческая проза*. Обращение к прошлому России, а то и всего человечества открывало перед ху-

дожниками самых разных направлений возможность понять истоки современных побед и поражений, выявить особенности русского национального характера (см. отдельную главу).

Разговор о литературном процессе 30-х годов был бы неполным без упоминания *сатиры*. Несмотря на то что в СССР смех находился под подозрением (один из критиков даже договорился до того, что «пролетариату смеяться ещё рано, пускай смеются наши классовые враги») и в 30-е годы сатира почти полностью выродилась, юмор, в том числе и философский, пробивался сквозь все препоны советской цензуры. Речь идёт в первую очередь о «Голубой книге» (1934—1935) М. Зощенко (1894—1958), где писатель размышляет, как видно из названий глав, о «Деньгах», «Любви», «Коварстве», «Неудачах» и «Удивительных историях», а в итоге — о смысле жизни и философии истории.

Особую роль в 30-е годы играла детская книга. Именно здесь, как было замечено выше, оставалось место шутке, игре. Писатели говорили не столько о классовых, сколько об общечеловеческих ценностях: доброте, благородстве, честности, обыкновенных семейных радостях. Говорили непринуждённо, весело, ярким языком. Именно таковы «Морские рассказы» и «Рассказы о животных» Б. Житкова, «Чук и Гек», «Голубая чашка», «Четвёртый блиндаж» А. Гайдара, рассказы о природе М. Пришвина, К. Паустовского, В. Бианки, Е. Чарушина.

Советская поэзия 1930—1950-х годов и литература о Великой Отечественной войне. Идея хоровой жизни (идущая от православной соборности, от «Войны и мира» Л. Толстого) пронизывает творчество 30-х годов лирического поэта М. Исаковского (1900—1973). И в первой своей книге «Провода в соломе» (1927), и в цикле «Минувшее», и в «Поэме ухода» (1929) М. Исаковский утверждал, что революция принесла в деревню электричество, радио; создала предпосылки для объединения живущих поодиночке людей воедино. «Опыт» коллективизации, видимо, настолько потряс писателя, что в дальнейшем он никогда не касался этих проблем. В лучшем, что он создал, — в песнях (знамени-

той «Катюше», «Провожанье», «Летят перелётные птицы...», «Шёл со службы пограничник...», «Ой, туманы мои, растуманы...», «Враги сожгли родную хату...» и многих других) — не было традиционных славословий партии и народу, воспевалась лирическая душа русского человека, его любовь к родной земле, воссоздавались житейские коллизии и передавались тончайшие движения души лирического героя.

Более сложные, чтобы не сказать — трагические, характеры были представлены в поэмах А. Твардовского (1910—1971) «Дом у дороги», «За далью — даль» и др.

Великая Отечественная война на какое-то время вернула русской литературе её былое многообразие. В году всенародной беды вновь зазвучали голоса А. Ахматовой и Б. Пастернака, нашлось место для ненавистного Сталину А. Платонова, оживилось творчество М. Пришвина. Во время войны вновь усилилось трагедийное начало в отечественной литературе. Оно проявилось в творчестве таких разных художников, как П. Антокольский, В. Инбер, А. Сурков, М. Алигер.

В поэме П. Антокольского (1896—1978) «Сын» трагические строки обращены к погибшему лейтенанту Владимиру Антокольскому:

Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.

Трагедийно и сурово прозвучала книга стихов А. Суркова (1899—1983) «Декабрь под Москвой». Против войны будто восстаёт сама природа:

Лес притаился, безмолвен и строг.
Звёзды погасли, и месяц не светит.
На перекрёстках разбитых дорог
Распять взрывом малые дети.

? Как вы думаете, почему Великая Отечественная война на какое-то время вернула русской литературе её былое многообразие?

«Глохнут проклятья истерзанных жён. // Угли пожара тлеются скупо». На этом фоне поэт рисует выразительный портрет солдата-мстителя:

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьём он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

О страшном отступлении наших войск с суровой беспощадностью рассказывает стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...».

После недолгих споров, нужна ли на фронте интимная лирика, она вошла в литературу песней А. Суркова «Землянка», многочисленными песнями М. Исаковского.

В литературу вернулся народный герой, не вождь, не сверхчеловек, а рядовой боец, вполне земной, обыкновенный. Это и лирический герой цикла стихов К. Симонова «С тобой и без тебя» (с необычайно популярным в годы войны стихотворением «Жди меня»), тоскующий по дому, влюблённый, ревнующий, не лишённый обыкновенного страха, но умеющий преодолеть его. Это и Василий Тёркин из «Книги про бойца» А. Твардовского (см. отдельную главу).

В произведениях военных и первых послевоенных лет нашли отражение как реалистические традиции «Севастопольских рассказов» Л. Толстого, так и романтический пафос «Тараса Бульбы» Н. Гоголя.

Суровая правда войны с её кровью и трудовыми буднями, герои, находящиеся в неутомимом внутреннем поиске, вошли в повесть К. Симонова «Дни и ночи» (1943—1944), положившую начало его поздней тетралогии «Живые и мёртвые». Толстовские традиции получили воплощение и в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946). Толстовский психологизм отличает характеры героев повести В. Пановой (1905—

1973) «Спутники» (1946), рассказывающей о будничной жизни санитарного поезда.

А. Фадеев (1901—1956), автор романа «Молодая гвардия» (1945), воспринимает войну как противостояние добра-красоты (все героини-подпольщицы красивы и внешней, и внутренней красотой) и зла-безобразия (первое, что делают фашисты, — вырубает сад, символ красоты; воплощением зла выступает вымышленный автором персонаж: грязный, вонючий палач Фенбонг; да и само фашистское государство сравнивается с механизмом — понятием, враждебным романтикам). Более того, Фадеев поднимает (хотя и не решает до конца) вопрос о трагическом отрыве некоторых бюрократившихся коммунистов от народа; о причинах возрождения индивидуализма в послеоктябрьском обществе.

Романтическим пафосом проникнута повесть Эм. Казакевича «Звезда» (1947).

Трагедия семьи в войне стала содержанием до сих пор недооценённой поэмы А. Твардовского «Дом у дороги» и рассказа А. Платонова «Возвращение», подвергнутого жестокой и несправедливой критике сразу после его публикации в 1946 году.

Та же судьба постигла стихотворение М. Исаковского «Враги сожгли родную хату...», герой которого, придя домой, нашёл лишь пепелище:

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.
.....
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.
.....
Хмелел солдат, слеза катилась,
Слезка несбывшихся надежд,
А на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Суровой критике была подвергнута и повесть Эм. Казакевича «Двое в степи» (1948).

Официальной пропаганде не нужна была трагическая правда о войне, об ошибках военных лет. Целая серия партийных постановлений 1946—1948 годов вновь отбрасывала советскую литературу к бесконфликтности, лакировке действительности; к сконструированному по требованиям нормативной эстетики, оторванному от жизни герою. Правда, на XIX съезде КПСС в 1952 году теория бесконфликтности формально подверглась критике. Было даже заявлено, что стране нужны советские Гоголи и Салтыковы-Щедрины, на что один из писателей откликнулся едкой эпиграммой:

Мы — за смех!
Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Присуждение Сталинских премий писателям, чьи произведения были далеки от реальной жизни, надуманные конфликты разрешались легко и быстро, а герои по-прежнему были идеализированы и чужды обычным человеческим чувствам, превращало партийные решения в пустые декларации. Содержание таких книг очень едко и точно описано А. Твардовским:

Глядишь, роман, и всё в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед;
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...

И всё похоже, всё подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завывать.

Не лучше обстояло дело и с поэзией. Практически все крупные советские поэты замолчали: одни писали «в стол», другие испытывали творческий кризис, о котором с беспощадной самокритичностью позже поведал

А. Твардовский в поэме «За далью — даль» (1953—1960):

Пропал запал.
По всем приметам
Твой горький день вступил в права.
Всем — звоном, запахом и цветом —
Нехороши тебе слова;
Недостоверны мысли, чувства,
Ты строго взвесил их — не те...
И всё вокруг мертво и пусто,
И тошно в этой пустоте.

*Традиции русской литературы в творчестве писателей зарубежья и андеграунда. По-своему продолжили традиции русской классической литературы XIX столетия и литературы Серебряного века писатели зарубежья и андеграунда (потаённой, «подпольной» литературы).

Ещё в 1920-е годы из Советской России уехали писатели и поэты, олицетворявшие цвет русской литературы: И. Бунин, А. Аверченко, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Б. Зайцев, Вяч. Иванов, А. Куприн, М. Осоргин, А. Ремизов, И. Северянин, Тэффи, И. Шмелёв, Саша Чёрный, не говоря уже о более молодых, но подававших большие надежды: М. Цветаевой, М. Алданове, Г. Адамовиче, Г. Иванове, В. Ходасевиче.

В творчестве писателей русского зарубежья сохранилась и получила развитие русская идея соборности и духовности, всеединства и любви, восходящая к трудам русских религиозных философов конца XIX — начала XX столетия (В. Соловьёва, Н. Фёдорова, К. Циолковского, Н. Бердяева и др.). Гуманистические мысли Ф. Достоевского и Л. Толстого о нравственном совершенстве человека как высшем смысле бытия, о свободе и любви как проявлениях божественной сущности человека составляют содержание книг И. Шмелёва («Солнце мёртвых»), Б. Зайцева («Странное путешествие»), М. Осоргина («Сивцев Вражек»).

Все названные произведения, казалось бы, о жестоком времени революции. Авторы видели в ней, как и живший на родине М. Булгаков в «Белой гвардии», на-

ступление апокалипсического возмездия за неправую жизнь, гибель цивилизации. Но вслед за Страшным судом, согласно Откровению Иоанна Богослова, наступит Третье Царство. У И. Шмелёва признаком его прихода служит посланный татаринем герою-рассказчику, погибающему от голода в Крыму, гостинец. Герой рассказа Б. Зайцева Алексей Иванович Христофоров, знакомый читателям по дореволюционной повести писателя «Голубая звезда», без раздумий отдаёт жизнь за молодого паренька, и в этом проявляется его умение жить по законам Неба. О вечности природы говорит пантеист М. Осоргин в финале своего романа.

Вера в Бога, в торжество высшей нравственности даже в трагическом XX столетии придаёт героям названных писателей, а также близких им по духу, но живших в СССР художников андеграунда А. Ахматовой («Реквием») и О. Мандельштама («Воронежские стихи») мужество жить (стоицизм).

?

Назовите писателей, поэтов, философов первой волны эмиграции. Вспомните, по каким причинам они вынуждены были покинуть Россию.

Уже в 1930-е годы писатели русского зарубежья обратились к теме прежней России, сделав центром своего повествования её извечные ценности — природные, бытовые и конечно же духовные.

«Тёмные аллеи» — называет свою книгу И. Бунин. И у читателя тут же возникает воспоминание о родине и чувство ностальгии: на Западе липы не сажают близко друг к другу. Воспоминаниями о светлом прошлом пронизана и бунинская «Жизнь Арсеньева». Издалека прошлая жизнь кажется Бунину светлой и доброй.

Воспоминания о России, её красоте и прекрасных людях привели к активизации в эмигрантской литературе 30-х годов *жанра автобиографических произведений о детстве* («Богомолье», «Лето Господне» И. Шмелёва, трилогия «Путешествие Глеба» Б. Зайцева, «Детство Никиты, или Повесть о многих превосходных вещах» А. Толстого).

Если в советской литературе тема Бога, христианской любви и всепрощения, нравственного самосовершенствования либо вообще отсутствовала (отсюда и не-